

Ю. В. Баулин, канд. юрид. наук

ХАРЬКОВ

О ХАРАКТЕРИСТИКЕ ОСНОВАНИЙ, ИСКЛЮЧАЮЩИХ ОБЩЕСТВЕННУЮ ОПАСНОСТЬ И ПРОТИВОПРАВНОСТЬ ДЕЯНИЯ

Основания, исключающие общественную опасность и противоправность, т. е. преступность деяния (необходимая оборона, крайняя необходимость, задержание преступника, выполнение профессиональных функций, исполнение закона и др.), представляют собой сознательные и волевые поступки, внешне подпадающие под признаки тех или иных преступлений, но отличающиеся от них единством социально-политического содержания (общественной полезностью) и юридической формы (правомерностью). Характеристику этих оснований криминалисты традиционно связывают с анализом условий их правомерности [9, с. 206, 219, 227]. Если в этой части и возникают какие-либо разногласия, то они касаются главным образом лишь группировки данных условий [7, с. 64—67]. Причем здесь часто допускается противоречие: вначале, как правило, дается определение того или иного основания путем указания его признаков, а затем, вместо рассмотрения этих признаков, переходят почему-то к группировке и анализу условий правомерности рассматриваемого основания [7, с. 31, 67—98]. В последнее время, однако, наметился определенный отход от традиционной характеристики оснований, исключающих преступность деяния. Так, В. И. Ткаченко при рассмотрении необходимой обороны выделяет ее основание, а также объективные и субъективные признаки и дает им соответствующую оценку [10, с. 8—42]. Подобным образом рассматривают и задержание преступника [1, с. 37—38].

Несмотря на то что каждое из указанных оснований характеризуется совокупностью специфических признаков, они, как заметил М. С. Гринберг, не разделяются непроницаемыми границами [4, с. 125], что позволяет обособовать некоторый общий подход к их рассмотрению. При этом речь должна идти прежде всего о характеристике оснований, исключающих преступность деяния, как явлений реальной действительности, а затем уже об их правовом опосредовании. Унифицированный подход к анализу указанных оснований способствовал бы единообразному пониманию ряда их важных признаков, а также правильному определению уголовно-правовых последствий совершения деяний, не соответствующих этим признакам. Предлагаемое решение вопроса отвечало бы требованиям логики и было бы полезным в методическом

целях при преподавании курса уголовного права по данной проблематике.

В основу характеристики оснований, исключающих общественную опасность и противоправность деяния, должна быть положена структура всякого сознательного, волевого и активного поведения, каковым является любое из приведенных оснований. В связи с этим заслуживает поддержки мнение В. М. Шафирова, что для характеристики правовой активности применимы все те элементы, которые используются в философской и социологической литературе: субъекты, наделенные активностью; объекты, на которые непосредственно направлена активность субъектов; сама активность, выражающаяся в воздействии субъекта тем или иным способом на объект [12, с. 30]. Подобная структура поведения отвечает также его психофизической природе. Правильно, например, пишет Н. Д. Бахрах, что «всякое целесообразное деяние выступает как органическое единство внешней деятельности человека и его сознания, объективных и субъективных моментов. В нем различают объект деятельности, ее внешнее проявление, субъект действия и его психическое отношение к деянию» [2, с. 20]. Основания, исключающие преступность деяния, представляют собой именно такие целесообразные акты поведения, особенность которых состоит лишь в том, что они соответствуют правовым предписаниям, т. е. являются правомерными. Однако это социально-юридическое свойство рассматриваемых оснований не влияет на их структуру. В литературе правомерное поведение характеризуют именно посредством анализа его четырех элементов [5, с. 21; 11, с. 5]. Отметим, что эта характеристика должна учитывать системный характер анализируемого поведения, исключающего преступность деяния, поскольку только единство и взаимосвязь его структурных элементов обуславливают интегративные свойства, присущие всему поведению как целостному явлению. В свою очередь каждый из его элементов выступает как система (подсистема) более низкого уровня, которая имеет свою структуру. Это требует не только рассмотрения каждого элемента системы (подсистемы) в отдельности, но и анализа их соотношения, зависимостей и взаимосвязей, поскольку лишь в своем единстве они образуют общественно полезные и правомерные поступки, исключающие общественную опасность и противоправность деяния.

Важен и вопрос о последовательности анализа названных структурных элементов оснований, исключающих преступность деяния. В общей теории права изучение правомерного поведения часто начинают с характеристики субъекта и объекта этого поведения, затем рассматривают его субъективные признаки и, наконец, объективную сторону [5, с. 21; 12, с. 31]. Представляется, что такая же последовательность должна быть выдержана и при анализе четырех элементов оснований, исключающих общественную опасность и противоправность деяния, как одного из видов правомерного поведения. Предлагаемый подход является логичным, обусловленным взаимоотношением «субъекта» и «объекта»,

которые, как известно, соотносятся между собой и предполагают друг друга. Указанные элементы поэтому подлежат рассмотрению в первую очередь, а затем уже — признаки поведения, с помощью которого субъект воздействует на объект. Обоснованным представляется такой порядок, при котором характеристика этих признаков начиналась бы с анализа их субъективных (мотив и цель), а не объективных моментов, как это обычно принято. Подобный порядок правильно отражал бы генезис индивидуального поведения, включающий три этапа: мотивацию; планирование и принятие решения; исполнение решения [8, с. 18]. Если учесть, что в структуру первых двух этапов включают мотив и цель поведения [8, с. 18—22], то очевидно, что объективные признаки этого поведения определяются прежде всего совокупностью субъективных моментов, возникающих до совершения поступка. Определение пределов необходимой обороны, например, обычно связывают вначале с оценкой объективных признаков защиты и посягательства. Однако, как правильно отметил Б. С. Волков, эти пределы должны определяться не только объективными условиями, но и их субъективным содержанием, т. е. оборонительные действия не должны выходить за пределы цели необходимой обороны [3, с. 92]. Следовательно, при оценке пределов необходимой обороны сначала нужно проанализировать ее цель, а затем — объективные признаки защиты, которая должна соответствовать этой цели.

Предлагаемый подход к анализу оснований, исключающих общественную опасность и противоправность деяния, в значительной мере соотносится и с механизмом правового регулирования этого вида правомерного поведения, реализуемого в рамках соответствующих правоотношений. Так, В. Б. Исаков в правовом регулировании общественных отношений выделяет два этапа: определение условий возникновения правоотношений и определение поведения субъектов в рамках этих правоотношений. В свою очередь первый этап связан с установлением субъектов, правомочных вступать в правоотношения; объектов правоотношений; их юридических предпосылок (юридических фактов, фактических составов). Задача второго этапа — дать модель возможного и должного поведения субъектов правоотношений [6, с. 16—18]. Исходя из подобного представления об этапах правового регулирования, вполне обоснованно при характеристике поведения, исключающего преступность деяния, вначале анализировать субъектов, объекты и юридические факты правоотношений, которые возникают в связи с данным поведением, а затем уже — само поведение в единстве его субъективных и объективных признаков как акт реализации этих правоотношений.

Итак, один из возможных подходов к характеристике оснований, исключающих общественную опасность и противоправность деяния в советском уголовном праве, предполагает следующую последовательность анализа их структуры: рассмотрение субъектов и объектов данных оснований, их субъективных и объективных признаков.

Список литературы: 1. Баулин Ю. В. Право граждан на задержание преступника. Х., 1986. 2. Бахрах Н. Д. Административный проступок и преступление // Вопросы совершенствования уголовно-правовых мер борьбы с преступностью. Свердловск, 1983. 3. Волков Б. С. Мотивы преступлений (уголовно-правовое и социально-психологическое исследование). Казань, 1982. 4. Гринберг М. С. Производственный риск в уголовном праве. М., 1963. 5. Жеругов Р. Т. Вопросы правомерного поведения личности // Правовое регулирование общественных отношений. М., 1977. 6. Исаков В. Б. Фактический состав в механизме правового регулирования. Саратов, 1980. 7. Козак В. Н. Вопросы теории и практики крайней необходимости. Саратов, 1981. 8. Кудрявцев В. Н. Право и поведение. М., 1977. 9. Советское уголовное право: Общая часть. М., 1977. 10. Ткаченко В. И. Необходимая оборона по уголовному праву. М., 1979. 11. Шабуров А. С. Социальная ответственность личности как элемент состава правомерного поведения // Вопросы совершенствования уголовно-правовых мер борьбы с преступностью. Свердловск, 1983. 12. Шафиров В. М. Правовая активность советских граждан. Вопросы теории. Красноярск, 1982.

Поступила в редколлегию 18.11.86

В. В. Устименко, канд. юрид. наук

ХАРЬКОВ

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ПРЕЮДИЦИЯ И СОСТАВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

В ряде норм УК уголовная ответственность обусловлена обязательным применением мер административного взыскания (однократная административная преюдиция — ч. 1 ст. 87¹, ст. 87², ч. 1 ст. 148, ч. 1 ст. 154¹, ч. 1 ст. 155⁴, ст. 156¹, ч. 1 ст. 161, ч. 3 ст. 192, ст. 195, 195¹, ч. 2 ст. 220¹, ч. 1 ст. 224¹ УК УССР) или даже двух административных взысканий (двукратная административная преюдиция — ч. 4 ст. 154, ст. 196, 196¹ УК УССР).

В литературе остается дискуссионным вопрос об отнесении административной преюдиции к тому или иному элементу состава преступления, о ее месте в системе условий, составляющих основание уголовной ответственности. Высказано суждение, что такая преюдиция характеризует объективную сторону преступления. Например, по мнению А. М. Яковлева, если в диспозиции статьи предусмотрена административная преюдиция, то мы сталкиваемся со своеобразной формой повторности, когда преступление складывается из ряда однородных менее опасных деяний [3, с. 32]. По существу разделяет этот взгляд и В. П. Малков, указывая, что здесь имеется сложное (составное) преступление, которое состоит из совокупности административно наказуемых деяний [2, с. 123].

Однако с приведенными утверждениями согласиться трудно. Прежде всего объективная сторона указанных преступлений не охватывает действия, за которые лицо подвергалось мерам административного взыскания. Преступными, а значит, и уголовно наказуемыми выступают лишь повторные аналогичные действия. На это обстоятельство обратил внимание Пленум Верховного Суда СССР, отметив, что преступление, предусмотренное ст. 198